

Г Л А В А ІІІ

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ФРАНЦУЗСКОЕ ИСКУССТВО XVIII ВЕКА КАК СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИСТОКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЭСТЕТИКИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

§ 1. Немецкая классическая философия как один из важнейших историко-философских теоретических источников эстетики Г. В. Плеханова

Установлено, таким образом, что к исследованию вопросов искусства и эстетики Плеханов приступил как марксист и в соответствии с потребностями развития марксизма. Для выполнения этой задачи Плеханов должен был обратиться к тем *источникам* марксизма, на основе которых по этим вопросам Маркс и Энгельс создали свое новое учение. Тем более, что Плеханов, как мы не раз уже отмечали, понимал, что разработка марксизма *во всех своих деталях* далека от завершения, что Маркс и Энгельс, создав в целом и стройную, и целостную систему (именно систему) нового учения, тем не менее по ряду вопросов успели дать лишь основополагающие принципы и установки, и что потому задача учеников и последователей состоит в развитии этого учения в процессе марксистского решения отдельных вопросов теории и практики. Плеханов сознавал, что к такого рода частным вопросам относятся и проблемы искусства и эстетики. Но обратившись к ним, он не мог не обратиться и к немецкой философии именно как соответствующему историко-философскому теоретическому источнику марксизма. Вот почему не только опубликованные труды Плеханова, но и подготовительные работы, записи и заметки его так и пестрят ссылками на представителей немецкой классической философии¹.

¹ См. его работы «От идеализма к материализму», «Письма без адреса» (со всеми своими вариантами), его «Лекции об искусстве», статьи: «А. Л. Волынский. «Русские критики. Литературные очерки», «История новейшей русской литературы 1848—1892 годов» А. М. Скабичевского. «Белинский и разумная действительность», «Литературные взгляды В. Г. Белинского», «Виссарион Белинский и Валериан Майков», «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», «Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского» и т. д.; Из архивных материалов можем указать: тетрадь 1 (Архив Дома Плеханова, инв. № 5439, ед. хр. т. 1), тетрадь 66 (Архив Дома Плеханова, инв. № 5582,

Источники эти в своей совокупности свидетельствуют не просто о знакомстве Плеханова с системами и учениями представителей немецкой классической философии, но и о широком их использовании в его эстетическом наследии. Вот факты: «...Кант говорит, — пишет Плеханов, — что наслаждение, которое опережает суждение вкуса, свободно от всякого интереса; что то суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, очень партийно и отнюдь не есть чистое суждение вкуса. Это вполне верно (курсив наш. — Р. К.) в применении к отдельному лицу»².

В качестве свидетельства кантовского влияния на эстетику Плеханова ограничимся этим отрывком, поскольку наличие такого влияния не только не отрицается в нашей литературе, а, напротив, даже несколько преувеличивается и «обнаруживается» даже там, где его и в помине нет³. Тем более, что здесь нас интересует пока сам факт наличия влияния, а не анализ и оценка его, которые будут даны в соответствующих разделах, посвященных самой эстетике Плеханова. Поэтому перейдем к Гегелю, поскольку ввиду большей значимости и его философской системы, и его эстетического наследия именно он оказал наиболее плодотворное воздействие на существо эстетической теории Плеханова.

О гегелевской эстетике Плеханов в своей работе «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» писал, излагая доводы Чернышевского, что «... даже устарелые ныне курсы идеалистической эстетики основываются на гораздо большем числе фактов, нежели думают их противники», и что Чернышевский в этом отношении совершенно «справедливо указывает на эстетику Гегеля, состоящую из трех томов, два из которых совершенно заняты ... исторической частью, и большая половина первого тоже занята историческими подробностями»⁴.

А вот и собственное отношение Плеханова к эстетике Гегеля. В труде «От идеализма к материализму», отводя специальный раздел немецкой эстетике и выражая собственное отно-

шение к эстетике Гегеля, Плеханов писал: «Его (Гегеля. — Р. К.) эстетика представляет собою не менее *крупный шаг вперед в деле понимания сущности и истории искусства*. Она оказала — в лице Белинского — огромное влияние на русскую критику, и уже по одному этому ее основные положения заслуживают *величайшего внимания* со стороны русского читателя»⁵ (курсив наш. — Р. К.).

По вопросу о том, «что такое искусство», Плеханов в своих лекциях об искусстве, к известному толстовскому его определению, дает такое замечание: «Нетрудно было бы показать, что это определение имеет много общего с определением Гегеля»⁶. Среди же заметок Плеханова мы находим гегелево определение искусства в следующей плехановской формулировке: «Предмет философии и искусства один: только в философии идея является в своем чистом виде, а в искусстве — в образе»⁷.

Заострив внимание на гегелевских мыслях и идеях относительно того, что каждая великая эпоха имеет свое искусство и что классическое искусство отличается полным равновесием между формой и содержанием, тогда как в романтическом искусстве содержание берет перевес над формой, Плеханов отмечает: «Это очень интересное замечание, которое полезно помнить всякому, кто занимается историей искусства»⁸.

О соотношении формы и содержания у Гегеля говорится: «Произведение искусства, которому недостает надлежащей формы, не есть именно поэтому подлинное, т. е. истинное произведение искусства»⁹, а у Плеханова так: «Все законы художественного творчества в последнем счете сводятся к одному: форма должна соответствовать содержанию». Не сказалось ли здесь влияние первого на второго, тем более, что это может быть подтверждено тем, что у Плеханова, в архивных материалах, в тетради № 1 на странице 53 прямо записано: «Гегель, Эстетика, 2-ая часть. Вapof II, S. 228. О содержании и форме» и затем приводится целая цитата с указанием страницы¹⁰.

Следы гегелевского влияния на эстетику Плеханова видны и в борьбе Плеханова за содержательное искусство, когда он писал, что «содержание было великое дело в глазах Гегеля»¹¹, и в том, что он писал: «Если «Антигону» рассмотрели мы вместе с Гегелем как художественное выражение борьбы двух правовых начал, то мы уже и без Гегеля сумеем рассмотреть, например, «Mariage de Figaro» Бомарше как выражение борьбы третьего сословия со старым порядком»¹². Ничего нет недопустимого и в том, что даже заострением внимания на таких пси-

⁵ Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. III, стр. 650.

⁶ Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. V, стр. 394.

⁷ Там же, стр. 793.

⁸ Там же, стр. 173.

⁹ Гегель. Соч., т. 1, стр. 225.

¹⁰ См.: Архив Дома Плеханова, инв. № 5439, ед. хр. № Т 1.

¹¹ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 580.

¹² Там же, стр. 579.

ед. хр. т. 66). Из предварительных, подготовительных работ мы укажем на опубликованные в третьем номере сборника «Литературное наследие Г. В. Плеханова» планы, замыслы, заметки, выписки и конспекты к лекциям, беседам, выступлениям и будущим трудам по искусству и эстетике, в которых не в меньшей мере выражено, каким образом прошлые историко-философские и эстетические учения и теории служили Плеханову соответствующими источниками и предпосылками в создании его эстетической теории.

² Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 99.

³ Например, М. Розенталь квалифицирует подчеркивание Плехановым «принципиального отличия языка образов от языка логики» как «его уступки кантианству». См.: М. Розенталь. «Эстетические и литературно-критические взгляды Г. В. Плеханова»; Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. X; в учебнике «Основы марксистско-ленинской эстетики». М., 1960, стр. 151 и т. д. Влияние этой тенденции не преодолел и В. В. Ванслов в своей статье «Г. В. Плеханов» в сб. «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли» в 5-ти томах, изд. «Искусство», т. V, 1970, стр. 290.

⁴ Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. V, стр. 239.

хических законах, как чувство симметрии, ритма, подражания, антитезы, которые оказали соответствующее влияние на развитие искусства, Плеханов обязан прежде всего Гегелю, у которого им отводится довольно солидное место (см. I том его эстетики), а не создателям этих теорий — Дарвину, Гроссе, Гарду и др.

Нет сомнений и в том, что даже в утверждении Плеханова, что задача научной эстетики — не провозглашать вечные законы развития искусства, а только скромно стараться «изучить те вечные законы, действием которых обуславливается его историческое развитие»¹³, проявляется не столько влияние Белинского, на которого у него есть прямые ссылки, сколько Гегеля, у которого в первом томе «Эстетики» сказано буквально следующее: «Философия искусства имеет своей задачей не предписывать художникам, как им творить, а ее задача состоит лишь в том, чтобы выяснить, что такое вообще прекрасное и как оно обнаруживалось до сих пор в существующих произведениях искусства»¹⁴. Это подтверждается не только тем, что в данном труде у Плеханова широко привлекаются материалы Гегеля, но и тем, что, приведя в работе «Литературные взгляды В. Г. Белинского» в несколько ином выражении ту же цитату, использованную Белинским, он прямо комментирует ее таким образом: «Но, обдумывая свой эстетический кодекс, Белинский не всегда помнил это золотое правило. Он забывал о нем, как забывал и сам Гегель»¹⁵.

При анализе вопросов искусства и эстетики Плеханов не упускает случая привлечь и использовать и философско-эстетические идеи Шеллинга и Фейербаха. Так, о Шеллинге он пишет в работе «От идеализма к материализму» (Избр. фил. пр., т. III, стр. 650—651, т. V, стр. 166, 168, 182, 251), («Литературное наследие Г. В. Плеханова» сб. III, стр. 213, 226, 225), о Фейербахе в работе «Основные вопросы марксизма» (т. III, стр. 131—160). К этим философам он обращается в особенности при анализе эстетических и литературно-критических воззрений Белинского и Чернышевского. Следовательно, сам факт наличия влияния немецкой классической философии на эстетику Плеханова абсолютно бесспорен. Каково же оно по своему существу, по содержанию?

Едва ли будет сколь-нибудь спорным утверждение, что это содержание во многом определялось, во-первых, тем, что в самой немецкой философии, как мы уже отмечали, начиная от Канта, создание философских систем обычно завершалось анализом вопросов искусства и эстетики, составляя тем самым органическую часть самих этих систем. Во-вторых, немецкая философия, как один из важнейших теоретических источников марксизма, способствовала не только его созданию, но не мень-

шее значение она имеет и в осмыслении и усвоении последнего, что выражено в знаменитом замечании Ленина о том, что нельзя понять «Капитал» Маркса, предварительно не проштудировав «Логику» Гегеля. И, в-третьих, учитывать надо то, что немецкая философия оказывала свое воздействие на последующее развитие философско-эстетической мысли не только решенными в ней вопросами, но и содержащейся в ней внутренней логикой развития. Она (немецкая философия) способствовала этому не только тем, что в ней видели сами ее создатели, но во многом и тем, что в ней *содержалось потенциально*, но что самими ее творцами либо вообще не было замечено, либо же они не обратили на него должного внимания. Этим в некоторой мере объясняется то, что в зависимости от того, кто с какой подготовкой к ней подходил, что в ней искал и с каких позиций ее рассматривал, она давала и дает самые различные, иногда прямо противоположные друг другу результаты. Отмечал же Энгельс, например, что «то, чего не замечали (в философии Гегеля. — Р. К.) ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; правда, он назывался Генрих Гейне»¹⁶. Это отмечал и Владимир Ильич, указывая, что из Гегеля все положительное извлечь возможно единственно при *умении читать его материалистически*.

Первое из отмеченных тут обстоятельств обусловило собою существо воздействия немецкой философии на эстетику Плеханова тем, что именно ввиду органического сплетения в ней общеполитической проблематики с проблематикой эстетической она дала ему возможность извлечь из нее идеи, касающиеся и общеполитической проблематики и проблематики конкретно-эстетической, рассмотрев их в диалектическом единстве. Наиболее наглядно это видно в его работах: «А. Л. Волынский. «Русские критики. Литературные очерки», «История новейшей русской литературы 1842—1892 годов» А. М. Скабичевского, «Белинский и разумная действительность», «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» и т. д. и в показанном нами его отношении к эстетическому наследию Канта, к гегелевскому определению искусства, предмета эстетики, соотношения формы и содержания, роли психологических законов (симметрии, ритма, подражания) в развитии искусства и т. д.

Но мы отмечали выше, что немецкая философия давала *разное* разным исследователям, в зависимости от их подготовки, преследуемой цели, исходных установок и позиций и т. д. Что же касается Плеханова, то он, отличаясь широкой эрудицией и стремясь к научному объяснению вопросов искусства, подходил к ней (к немецкой философии) с позиций марксизма и умением читать ее материалистически. Характеристика эрудиции и определение целей Плеханова в доказа-

¹³ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 581.

¹⁴ Гегель. Соч., т. XII, стр. 20.

¹⁵ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 373.

¹⁶ Мы его сознательно даем именно в плехановском переводе. Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 315.

тельствах и иллюстрациях не нуждаются. А его способность читать гегелевскую философию материалистически видна хотя бы в том, как он подходит к гегелевскому объяснению «внутреннего разложения Греции».

Гегель, как известно, конечную причину этого разложения видит в том, что «дух» только на короткое время остановился на точке зрения прекрасной моральной нравственности, что и составило принцип, на котором будто бы зиждилось единство Греции. А Плеханов дает к этому такой комментарий: «Но это, разумеется, опять вовсе не ответ, а лишь перевод вопроса на философский язык Гегелева идеализма. Гегель и сам как будто чувствует это и потому спешит прибавить, что «принцип разложения открыл себя прежде всего во внешнем политическом развитии — как в войнах греческих государств между собою, так и в борьбе различных факций в городах». Тут мы становимся уже на конкретную историческую почву. Борьба «факций» внутри городов, по словам самого Гегеля, была продуктом экономического развития Греции, т. е., иными словами, борьба политических партий была лишь выражением возникших в греческих городах *экономических противоречий*. А если мы припомним, что и Пелопоннесская война была, как это видно из Фукидида, лишь распространившеюся на всю Грецию борьбой классов, то мы без труда придем к тому заключению, что причины разложения Греции нужно искать в *ее экономической истории*. Таким образом, Гегель подсказывает нам материалистическое понимание истории, хотя для него самого борьба классов в Греции является лишь как проявление «принципа разложения»¹⁷ (курсив наш. — Р. К.).

Ясно, что такое материалистическое чтение Гегеля связано с вполне определенным осознанием того обстоятельства, что в гегелевском саморазвитии абсолютного духа, абсолютной идеи угадано саморазвитие мира, а в его диалектике понятий — диалектика этого процесса, что, говоря о закономерностях развития мира и познания, Гегель, правда, мистифицировал их в угоду своей системе, но тем не менее существование этих законов Гегель не мог выдумать. Он должен был извлечь их и действительно извлекал из самой этой реальной действительности¹⁸.

¹⁷ Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. I, стр. 434.

¹⁸ А что от Плеханова действительно не была скрыта тайна немецкой философии (точнее, философии Гегеля), здесь можно еще раз подтвердить и таким примером. В статье «А. Л. Волюнский...», Плеханов, касаясь гегелевского объяснения истории искусства, которую последний по существу сводит к свойствам духа, закономерностям развития абсолютной идеи, пишет: «Когда за подобные объяснения берется какой-нибудь г. Волюнский, то у него ровно ничего, кроме пустых, будто бы философских, фраз не выходит. Но когда таким делом занимается гигант, подобный Гегелю, тогда, бесспорно, в результате получаются подчас очень и очень остроумные и даже прямо гениальные логические постройки» (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 567). И далее: «Точно так же, как в «philosophie der Geschichte»,

Поэтому и вопрос о том, кому что может дать немецкая философия, органически переплетается с вопросом о том, кто в какой мере все это сознает. Для мыслителей, не угадавших это, эта философия ограничивается тем, что *представлено* в ней самими ее создателями, т. е. тем, что они сами в ней усматривают. Для людей же, сумевших проникнуть в эту тайну, она становится неиссякаемым источником для все новых и новых идей, раздумий и размышлений.

В качестве дополнительного примера мы можем сослаться здесь на отношение Плеханова к гегелевскому объяснению голландской живописи. Приводя гегелевское объяснение этой живописи жизнью самих голландцев, он заключает: «Для нас важно здесь не то, что Гегель старается оправдать голландских живописцев: по нашему мнению, они никогда ни в чьей защите не нуждались. Но мы обращаем внимание читателя на то, что великий идеалист очень хорошо умел объяснять по крайней мере некоторые явления в истории искусства *ходом развития общественной жизни*. Чтобы понять живопись голландцев, надо вспомнить их историю. Это совершенно справедливая мысль, но которая наводит на размышления, очень опасные для идеалистической эстетики. Что, если мысль, справедливая в применении к голландской живописи, оказалась бы столь же справедливой в применении к живописи в Италии, к скульптуре в Греции, к поэзии во Франции и т. д. и т. д.? История искусства стала бы объясняться историей общественной жизни, и в хитроумных логических постройках идеалистов, апеллирующих к свойствам абсолютной идеи, не оказалось бы ни малейшей надобности. *Идеалистическая эстетика умерла бы сама собою*»¹⁹.

Весь этот материал вполне определенно свидетельствует, таким образом, о том, что все эстетические отношения Плеханова к немецкой *идеалистической* философии вообще и к гегелевской — в частности, действительно строились на том основополагающем фундаменте, о котором сам Плеханов говорит: «Наша точка зрения диаметрально противоположна идеалистической. Тем не менее мы с большим удовольствием ссылаемся... на Гегеля» потому, что «в его взглядах на искусство вообще много истинного», только, правда, «истина стоит у него, по известному выражению, вниз головой, и надо уметь поставить ее на ноги»²⁰.

В то же время материал этот свидетельствует и о том, что к данной философии Плеханов действительно подходил с той меркой, с которой ценность и значение прошлых и настоящих философско-эстетических теорий и учений в глазах Плеханова определялись тем, в какой мере они *либо сами приближались*

Гегель и в «Эстетике» временами сам покидает свое идеалистическое царство теней для того, чтобы подышать свежим воздухом житейской действительности. И замечательно, что грудь старика дышит в этих случаях так хорошо, как будто она никогда и не вдыхала другого воздуха» (там же, стр. 568).

¹⁹ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 568—569.

²⁰ Там же, стр. 579.

к материалистическому объяснению истории, *либо способствовали его приближению*. Немецкая же идеалистическая философия вообще, и гегелевская — в частности, по Плеханову, способствовали этому в первую очередь и главным образом диалектическим своим методом, относительно которого он писал, что «материалистическое объяснение истории предполагает диалектический метод мышления», а это как раз и есть в определенной мере то, что «досталось в наследство от немецкого идеализма его преемнику, современному материализму»²¹.

Но этим, хоть и важным в целом, моментом значение гегелевской философии для Плеханова не исчерпывается. Следует помимо этого иметь в виду и то, подчеркивал Плеханов, что Гегель «каждый раз», когда «он принимается за характеристику какого-нибудь» вопроса — в том числе, конечно, и вопросов искусства и эстетики — он обнаруживает всесторонние знания и *огромную проницательность*; что он дает поистине блестящие и в то же время глубоко поучительные характеристики, рассыпая мимоходом целый ряд самых ценных замечаний о различных его сторонах, чем «он увлекает вас» так, что «вы готовы забыть, что имеете дело с идеалистом», — и «готовы признать, что он действительно историю берет такую, какова она есть», что Гегель строго следует своему правилу: «держаться исторической, эмпирической почвы»²². Получается, утверждает Плеханов, будто «величайший из идеалистов ... задался целью расчистить поле для материализма». Все это и имел в виду Плеханов, когда объявлял философию марксизма «логическим и неизбежным следствием» философии Гегеля.

Но для Плеханова философия марксизма в плане историческом, как известно, является наследницей не только немецкого идеализма, но и прошлой материалистической философии и прежде всего философии Фейербаха, относительно которой он так же отмечал, что хотя материализм Маркса и Энгельса и «представляет собою гораздо более развитое учение, нежели материализм Фейербаха», оно у них развивалось в том самом направлении, которое указывалось внутренней логикой философии последнего²³.

Отсюда ясно, что и философия Фейербаха сыграла для Плеханова важную роль при решении им вопросов искусства и эстетики. Какова же эта роль по своему существу?

Ответ на этот вопрос органически связан со следующими обстоятельствами: во-первых, с тем, что сама эта философия, в отличие от философии других немецких классиков, оказалась материалистической; во-вторых, с тем, что в философии Фейербаха нет прямого анализа вопросов искусства и эстетики; и, в-третьих, с тем, что существо самой эстетики Плеханова не сводится к одной только положительной разработке тех или

иных вопросов искусства и эстетики, но и тем, что в ней в известном единстве исторического и логического представлена критика недостатков прошлых философско-эстетических теорий и учений. Эти условия в своей совокупности привели к тому, что философия Фейербаха способствовала пониманию Плехановым многих особенностей эстетики русских революционных демократов²⁴. И в этом смысле значение этой философии для Плеханова сводилось к функции методологического руководства в оценке прошлых философских учений и теорий. Известный интерес представляет в этом отношении исследование Плехановым именно в этом свете деятельности, с одной стороны, наших революционных демократов и, с другой стороны, таких

²⁴ См. соответствующие его работы, в особенности работу: «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», где у него, в частности, сказано: «По словам Фейербаха, сущность человека есть чувственность, т. е. действительность, а не вымысел и не абстракция. Задача философии и науки вообще заключается в реабилитации действительности. Но если это так, то отсюда само собою следует вывод, что и задачи эстетики, как отрасли науки, тоже заключаются в реабилитации действительности в борьбе с фантастическим элементом человеческих представлений. На этом выводе из философии Фейербаха и были построены эстетические взгляды Чернышевского» (курсив наш. — Р. К.). (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 497).

О значении философии Фейербаха для эстетики Белинский Плеханов писал: «В последние годы своей жизни Белинский, умственное развитие которого шло в том же направлении, в каком развивалась западноевропейская философская мысль, перешел от Гегеля к Фейербаху. Это особенно заметно в его статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», где он излагает некоторые основные положения фейербаховской философии. И в той же статье он в полном согласии со своими новыми философскими убеждениями говорит: «Если бы нас спросили, в чем состоит *отличительный* характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости» (там же, стр. 493).

«Взгляд на искусство, как на игру, дополняемый взглядом на игру, как на «детища труда», проливает чрезвычайно яркий свет на сущность и историю искусства. Он впервые позволяет взглянуть на них с материалистической точки зрения. Мы знаем, что, при самом начале своей литературной деятельности, Чернышевский сделал очень удачную, по-своему, попытку применить материалистическую философию Фейербаха к эстетике. Этой его попытке нами посвящена особая работа. Поэтому здесь мы только скажем, что хотя и очень удалась, по своему, эта попытка, на ней точно так же, как и на исторических взглядах Чернышевского, отразился основной недостаток философии Фейербаха: неразработанность ее исторической или, точнее сказать, диалектической стороны. И только потому, что не разработана была эта сторона в усвоенной им философии, Чернышевский мог не обратить внимания на то, как важно понятие игры для материалистического объяснения искусства (там же, стр. 482).

Говоря об ошибках Чернышевского по вопросам искусства и эстетики, Плеханов в заключении к своей статье «Эстетическая теория Чернышевского» пишет: «Эти ошибки нашего автора объясняются. — кратко говоря — уже указанным нами отсутствием у него диалектического взгляда на вещи. Он не умел найти истинную связь между объектом и субъектом, объяснить ход идей ходом вещей. Поэтому он по необходимости пришел к противоречию с самим собой и, вопреки всему духу своей философии, придал объективное значение некоторым идеям. Но и эта ошибка могла быть замечена только тогда, когда философия Фейербаха, лежавшая в основе эстетической теории Чернышевского, стала уже «превзойденной ступенью» (там же, стр. 468).

²¹ См.: Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. I, стр. 443, 444.

²² Там же, стр. 430.

²³ См.: Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. III, стр. 144.

отечественных литературных критиков, как А. Л. Волынский, А. М. Скабичевский, В. Майков, Г. Михайловский и др. Здесь Плеханов отмечает, что последние от *материалистической* философии Фейербаха и диалектического идеализма Гегеля шли именно назад к метафизическому идеализму, тогда как первые, наоборот, двигались в том направлении, которое намечалось объективной логикой этих учений. И если последние в этом направлении не поднялись до уровня материалистической диалектики, то в этом Плеханов видит не вину их, а беду²⁵, так как именно тогдашняя русская действительность с ее отсталыми общественными отношениями не дала им возможности подняться до этого уровня.

Поскольку все эти элементы и моменты вошли в эстетику Плеханова не только исторически, но и логически, то вывод отсюда может быть только такой: Немецкая классическая философия бесспорно является философско-теоретическим источником эстетики Плеханова. Это выразилось и в том, в какой мере она способствовала не только *созданию*, но и усвоению философии марксизма, и в том, в какой мере Плеханов находил в ней объяснение тем или другим сторонам, элементам и моментам вопросов искусства и эстетики, и в том, в какой мере она помогала Плеханову в критике, вычленении и объяснении положительных и отрицательных сторон прошлых эстетических учений и теорий, и в формировании всей совокупности эстетических взглядов самого Плеханова.

§ 2. Русская революционно-демократическая эстетическая мысль как важнейший философско-теоретический источник эстетики Г. В. Плеханова

Внешним показателем того, что русская революционно-демократическая эстетическая мысль также действительно являлась соответствующим конкретно-историческим условием и философско-эстетическим источником эстетики Плеханова, может служить уже одно название таких пространных его работ, как «А. И. Герцен и крепостное право», «Белинский и разумная

²⁵ На этот счет у Плеханова, например, в статье «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского» прямо говорится: «...Белинский переоценивал значение интеллигентов в освободительном движении пролетариата. Такая переоценка была, конечно, ошибкой, но эта ошибка была естественна для человека, находившегося в положении Белинского, жившего в России, т. е. в стране, в которой пролетариат еще совсем не выступал тогда на арену истории... Эта ошибка Белинского была замечена только русскими марксистами... И нам надо теперь не сожалеть об этой ошибке, а с радостным и благодарным удивлением вспоминать о том обстоятельстве, что, несмотря на отсталость родины Белинского, мысль его плодотворно работала в том самом направлении, в котором двигалась самая передовая мысль самых передовых стран Запада» (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 387—388).

действительность», «Литературные взгляды В. Г. Белинского», «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского», «Виссарион Белинский и Валериан Майков», «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», «Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского», «Добролюбов и Островский» и др.

По существу же это подтверждается тем, что в плехановской эстетической теории почти нет вопроса, в постановке и решении которого не чувствовалось бы влияние (прямое или косвенное) эстетики отмеченных революционных демократов. Оно сказывается и на плехановском представлении о предмете искусства и эстетики, и в его понимании задач научной эстетики, и в его объяснениях отношения искусства к общественной жизни, и в его определении исторических закономерностей развития искусства, и в его решении проблемы формы и содержания в искусстве, и в его борьбе за содержательное искусство, за реализм, против «чистого» искусства, и в его понимании особенностей художественного творчества, роли личности в искусстве, соотношения идеального и реального в искусстве и т. д., вплоть до понимания особенностей эстетического чувства. Плеханов не упускает случая по любому поводу сослаться на них, как на авторитеты в вопросах искусства и эстетики. Так, уже в подготовительных его работах, выписках и заметках к лекциям, выступлениям и будущим фундаментальным трудам солидное место занимают и выписки из русской революционно-демократической эстетической литературы, в особенности из работ Белинского и Чернышевского (см. эти предварительные планы, выписки, замыслы, заметки, замечания в «Литературном наследии Г. В. Плеханова», сб. III, стр. 61, 85, 87, 93, 100, 103, 184, 188, 202, 203, 206, 212, 213, 218, 224, 227, 309, 310, 315—316, 351, 362, 369, 372, 384—386).

В этих предварительных планах, замыслах, выписках, заметках и замечаниях при их соотнесении и сравнении с опубликованными работами очень четко вырисовывается не только то, что эстетическое наследие революционных демократов действительно служило соответствующим философско-теоретическим источником для эстетики Плеханова, но и то, каким образом это происходило.

Возьмем к примеру вопрос о предмете искусства. В выписках, заметках и замыслах Плеханова к этому вопросу фигурируют следующие положения и установки Белинского и Чернышевского: «У искусства предмет тот же, что и у философии» (Белинский), (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III, стр. 61); «Старые определения. Белинский: искусство — особый род духовной деятельности, предмет ее — истина. Но и наука, и философия имеют предметом истину. Разница. *Орган философии. Орган искусства*: способность созерцания; в художественном произведении истина представляется в *живом образе*. Но этого мало, определим со стороны отношения художника к своему предмету» (там же, стр. 87); взгляды Белинского и

Чернышевского относительно того, что искусство есть «воспроизведение действительности» (см. там же, стр. 284—285 и его статьи, посвященных анализу их литературных и эстетических воззрений).

Что же мы находим по этому вопросу в работах Плеханова, предназначенных для печати?

В статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов, излагая законы, составляющие «неизменный эстетический кодекс Белинского», первый из них характеризует таким образом: «Первым из них, так сказать, основным законом является тот, согласно которому поэт должен *показывать, а не доказывать*; «мыслить образами и картинами, а не силлогизмами и дилеммами». Этот закон вытекает из самого определения поэзии, которая, как мы знаем, есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах. Там, где не соблюдается этот закон, нет поэзии, а есть только символика и аллегория. Белинский никогда не забывал взглянуть на разбираемое им произведение с точки зрения этого закона»²⁶. И сама эта выдержка, и дальнейший текст статьи свидетельствует о том, что это положение Белинского Плеханов принимает без сколько-нибудь серьезных возражений, что подтверждается в изложении и своих собственных воззрений на этот счет. Например, уже в своем первом письме из «Писем без адреса» он пишет: «Неверно также и то, что искусство выражает только чувства людей. Нет, оно выражает и чувства их, и мысли, *но выражает не отвлеченно, а в живых образах*. И в этом заключается его самая главная отличительная черта»²⁷. А в одном из вариантов пятого его письма у него сказано: «Художественное произведение действует на наше *воображение* или на нашу *созерцательную способность, а не нашу логику*. И именно потому мы не испытываем собственно эстетического удовольствия в том случае, когда произведение искусства вызывает в нас более или менее основательные или логичные *соображения* об общественной пользе. В этом случае есть только суррогат эстетического наслаждения»²⁸.

Это же положение мы находим в статье «Искусство и общественная жизнь», где Плеханов, выступая против романтика типа Теофиля Готье, который старался принизить значение *содержания* в искусстве, пишет: «...То, с чем никак не соглашались романтики вроде Теофиля Готье, а именно, что достоинство художественного произведения определяется в последнем счете удельным весом его содержания. Теофиль Готье говорил, что поэзия не только ничего не доказывает, но даже ничего не рассказывает, и что красота стихотворения обуславливается его музыкой, его ритмом. Но это огромная ошибка. Совершенно наоборот: поэтические и вообще художественные произведения

²⁶ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 386.

²⁷ Там же, стр. 43.

²⁸ Там же, стр. 140—141.

всегда что-нибудь *рассказывают*, потому что они всегда что-нибудь *выражают*. Конечно, они «рассказывают» на свой особый лад. Художник выражает свою идею образами, между тем как публицист доказывает свою мысль с помощью логических выводов. И если писатель вместо образов оперирует логическими доводами, или если образы придумываются им для доказательства известной темы, то он не художник, а публицист, хотя бы он писал не исследования и статьи, а романы, повести или театральные пьесы»²⁹.

В подготовительных работах Плеханова мы встречаемся с такими его мыслями, касающимися предмета эстетики: «Научная эстетика не дает искусству никаких предписаний из числа тех, каких немало давал ему Гегель. Она не говорит ему: ты должно держаться таких-то и таких-то приемов, можешь позволить себе то-то и то-то, а вот этого ты позволять себе не должно, потому что это уронит твоё достоинство и поставит тебя в противоречие с твоими же собственными законами». Научная эстетика не предписывает искусству законов, а только скромно старается понять те, под действием которых совершается его историческое развитие»³⁰.

Откуда это у Плеханова? Нет ли прямой связи между этими мыслями Плеханова и тем, что он писал в статье «О Белинском», цитируя его: «Задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решить, чем должно быть искусство, а в том, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна рассуждать об искусстве как о чем-то предполагаемом, как о каком-то идеале, который может осуществиться только по ее теории; нет, она должна рассматривать искусство как предмет, который существовал давно прежде ее, и существованию которого она сама обязана своим существованием»³¹? Эти мысли Белинского не раз повторяются Плехановым и в других его работах либо в непосредственном цитировании, либо в изложении. Свое же отношение к ним Плеханов выразил таким образом: «В своей статье о Державине Белинский говорил: «Задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решить, чем должно быть искусство, а в том, чтобы определить, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна рассуждать об искусстве как о чем-то предполагаемом, как о каком-то идеале, который может осуществиться только по ее теории, нет, она должна рассматривать искусство как предмет, который существовал давно прежде и существованию которого она сама обязана своим существованием». Это была поистине гениальная мысль, вполне достойная человека, воспитавшегося на гегелевской диалектике. Однако иное дело мысль, а иное дело ее осуществление. Чтобы решить эту задачу, которую Белинский задавал эстетике, нужно было со всех сторон обнаружить связь искусства

²⁹ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 231—232.

³⁰ Там же, стр. 156—157.

³¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 176—177.

с общественной жизнью и уметь объяснить эту последнюю с научной, то есть с материалистической точки зрения»³². Это понимание предмета эстетики проходит через всю эстетику Плеханова. Оно излагается в одном из вариантов первого письма его «Писем без адреса», и в статье «О Белинском», и в статье «...Русские критики...», и в труде «Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского», что свидетельствует о том, какую важную роль оно будет впоследствии играть в его теории эстетики. И дело здесь не в простом количественном показателе, а в том значении, которое оно имело на существо *решения* проблемы изучения и понимания закономерностей развития искусства. Это положение не могло, таким образом, не обуславливать в определенной мере существо решения Плехановым других вопросов искусства и эстетики, а следовательно, и всей его эстетической теории, что мы и проиллюстрируем на его отношениях к вопросу, чем должно быть искусство — средством или целью? Рассматривая этот вопрос, Плеханов обратил внимание на тот факт, что сам вопрос плохо сформулирован. И сформулирован плохо потому, что «его нельзя решить с точки зрения обязанности, *долга*», ибо «если художники одной эпохи склоняются к утилитарности искусства, а в другое время они предаются искусству для искусства, то это происходит не оттого, что кто-нибудь обязывает их держаться того или другого направления, а потому, что есть в общественной жизни такие условия, которые predisполагают их к усвоению той или другой эстетической теории»³³. То же самое у него и с вопросом абсолютных художественных критериев³⁴; и с положением о том, что дело критики «не плакать» или «смеяться», а «понимать»³⁵.

С этими положениями революционно-демократической эстетической мысли России органически переплетаются и известные «два акта критики» Плеханова. А точнее, и они в определенной мере были восприняты Плехановым из этого арсенала, что может быть подтверждено таким материалом. В статье «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» Плеханов писал: «... В самом деле, Белинский думал, как мы знаем, что содержание поэзии тождественно с содержанием философии и что критик, разбирая художественное произведение, прежде всего обязан выяснить его *идею*, и только уже потом, — во *втором акте*» разбора, — проследить идею в образах, то есть подвергнуть оценке *форму*... Белинский сказал бы ... разобрать художественное произведение — значит *понять его идею и оценить его форму*. Критик должен судить и о содержании и о форме; он должен быть и эстетиком и мыслителем; короче, идеал кри-

³² Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 514.

³³ Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. III, стр. 189—190.

³⁴ См. его «Искусство и общественная жизнь», Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 191—194.

³⁵ См. там же, стр. 190 и в его пред. к III изд. «За двадцать лет», там же, стр. 124.

тики есть *философская критика*, которой и принадлежит право произнесения окончательного приговора над художественными произведениями. Почти то же можно было бы сказать, основываясь на эстетической теории Чернышевского»³⁶. Там, где излагаются Плехановым его мысли насчет этих двух актов критики, мы читаем: «Критики-идеалисты школы Гегеля — а между ними и наш гениальный Белинский в соответствующую эпоху своего развития — говорили, что задача философской критики заключается в том, чтобы идею, выраженную художником в своем произведении, перевести с *языка искусства* на *язык философии*, с *языка образов* на язык логики. В качестве сторонника материалистического мировоззрения я скажу, что первая задача критики состоит в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык *социологии*, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления. Этот мой взгляд, — пишет о себе Плеханов, — не раз выражался в моих литературных статьях»³⁷. Буквально через пару страниц, возвращаясь к этому же вопросу, он, повторяя, что «...сказал, что критики-идеалисты школы Гегеля считали своею обязанностью...» (повторяет более распространено вышеприведенное), добавляет к нему: «Если бы критик-материалист (имеется в виду диалектический материалист. — Р. К.) отказался от такой оценки под тем предлогом, что он уже нашел социологический эквивалент данного произведения, то этим он только обнаружил бы свое непонимание той точки зрения, на которой ему хочется утвердиться»³⁸.

То же самое можно отметить и в его высказываниях о роли личности художника в искусстве («Взгляд Белинского на роль великих людей в истории литературы верен и для настоящего времени»), о соотношении формы и содержания в искусстве, о борьбе за идейность искусства (см. там же, стр. 353, 396—397, 498, 576, 590 и т. д.) и т. д.

Таким образом, факт влияния эстетики революционных демократов на эстетику Плеханова представляется нам абсолютно бесспорным.

Каково же это влияние по содержанию?

Ответ на такой вопрос и здесь сводится к осмыслению следующего: 1. Что побудило Плеханова обратиться к данному источнику? 2. С какой меркой подходил к нему автор? 3. Что им было оценено в нем положительно и что отрицательно? В такой последовательности мы и рассмотрим все эти вопросы.

Обращение Плеханова к эстетике русских революционных демократов не было продиктовано какой-то одной причиной, одним обстоятельством. Оно было вызвано рядом следующих, органически связанных между собою, обстоятельств. Во-первых,

³⁶ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 430.

³⁷ Там же, стр. 123—124.

³⁸ Там же, стр. 129.

тем, что, по сложившейся к тому времени в отечестве Георгия Валентиновича исторической действительности именно революционные демократы оказались первыми страстными защитниками интересов революционного русского крестьянства, его выдающимися идеологами. И Плеханов, по роду своих занятий, не мог не попытаться использовать их авторитет для поднятия революционного духа и настроения народа, для дальнейшего развития его революционно-критического самосознания. Во-вторых, тем, что в самой русской общественно-политической мысли того времени вопрос о наследстве революционных демократов становится одним из наиболее актуальных вопросов времени. Конкретно же к эстетике революционных демократов его влекло именно то, что она, с одной стороны, оказалась вершиной всей домарковской эстетической мысли, и, с другой — находилась в органическом переплетении с их социально-политическими стремлениями. В качестве таковой и, безусловно, стремился иметь ее Плеханов в арсенале своей идейной борьбы.

Немалую роль в этом сыграл и тот факт, что враги русского и международного рабочего движения в своей борьбе с марксизмом в определенной мере пытались использовать в извращенном виде представленную эстетику революционных демократов.

Разберемся во всем этом несколько подробнее.

В. И. Ленин, характеризуя историческую эволюцию русского революционного движения, отмечал, что в нем «... мы видим ясно три поколения, три класса... Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, — это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян...»³⁹

Ленин отмечает далее, что, чувствуя революционных борцов вообще и Герцена в частности, «пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории, — *учится* понимать, что беззаветная преданность революции и *обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы*»⁴⁰ (курсив наш. — Р. К.).

Здесь наше внимание может привлечь тот факт, что если,

по Ленину, в отмеченных им трех поколениях Герцен выступает в качестве связующего звена между первыми двумя (декабристами и революционерами-разночинцами), то Плеханов, оказавшись видным непосредственным участником всей теоретической и практической деятельности двух вторых поколений, оказался подобным связующим звеном между революционерами-разночинцами и русскими марксистами.

В итоге, если Герцен предстал перед нами как основоположник «русского социализма» (конечно, утопического, — слова В. И. Ленина), то Плеханов явился одним из тех выдающихся деятелей русского освободительного движения, творческая деятельность которых перебросила мост от герценовского утопического социализма к научному социализму Маркса и Энгельса в России.

Отсюда вытекает, что отношение Плеханова к творческому наследию революционных демократов во многом определялось тем, в какой мере данное отношение осознавалось им. А в том, что оно действительно осознавалось самим Плехановым, в этом не приходится сомневаться хотя бы потому, что в определенный период своей общественно-политической и литературной деятельности он примыкал к народнической организации, откуда затем эволюционировал к марксизму (это мы показали выше).

Литературное наследие Плеханова — достоверное свидетельство и тому, что он определенно и ясно представлял себе и действительную сущность революционно-социалистических идей и стремлений великих революционных демократов. Это хорошо видно, в частности, в таких его трудах, как «А. И. Герцен и крепостное право», «Белинский и разумная действительность», «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского», «История русской общественно-политической мысли» и мн. др. Произведения эти дают все основания утверждать, что их автор прекрасно понял, что означают такие положения революционных демократов, как объявление Герценом диалектики Гегеля «алгеброй революции», девиз Чернышевского — «К топору зови Русь!», заявление Белинского о том, что «идея социализма стала для» него «...альфой и омегой веры и знания»⁴¹ и что он начинает любить человечество «настолько, что чтобы сделать счастливую малейшую часть его, готов огнем и мечом истребить остальную»⁴².

А что Плеханову была ясна связь эстетических воззрений революционных демократов с общественно-политической их деятельностью, видно хотя бы из следующих замечаний. В труде «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» Плеханов следующим образом формулирует ход рассуждений Чернышевского и других революционных демократов. «Если (по рассуждению Чернышевского. — Р. К.) искусство не может быть само по себе целью, если главное его назначение заключается в содействии

³⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 261.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 316.

⁴² Там же.

умственному развитию общества, то понятно, — пишет Плеханов, — что оно должно отходить *на второй план в тех случаях, когда является возможность распространять в обществе здравые понятия более коротким путем* (курсив наш. — Р. К.). Просветитель не враждует с искусством, но он не имеет к нему и безусловного пристрастия»⁴³.

Несколько выше по тому же поводу он писал: «Просветители говорили: содействуя распространению здравых понятий в обществе, искусство будет приносить умственную пользу людям, а потом принесет им и материальную выгоду. Материальная выгода являлась в их глазах простым, но зато неизбежным результатом умственного развития людей; ...и ...когда большинство приобретет здравые понятия, оно легко сбросит с себя иго тех шуков, сила которых прочна лишь до тех пор, пока не проснулись караси»⁴⁴.

Сознавая все это, мог ли усматривающий цель и смысл своей жизни в пробуждении революционно-критического духа своего народа Плеханов не обратиться к наследию великих революционных демократов?»⁴⁵

Но все это не было единственной причиной обращения Плеханова к наследству революционных демократов, важную роль сыграло в этом извращение сущности идей революционных демократов и отношение к ним русских марксистов. Вспомним работу В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» Уже само появление этого труда говорит об актуальности данной проблемы, о которой Ленин писал, что «чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе «ученики», чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду и теоретических, и практических вопросов, — тем реже можно было встретить во враждебной прессе *возражений по существу* против основных пунктов нового направления... *Но зато тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление*»⁴⁶ (курсив наш. — Р. К.).

Весьма примечательно, что В. И. Ленин специально оговаривает, что свой анализ он ограничивает «исключительно вопросами экономическими и публицистическими..., *оставляя в стороне* вопросы философские, литературные, эстетические и т. п.»⁴⁷ (курсив наш. — Р. К.), имея тем самым в виду, что попытками фальсификации и извращения были охвачены почти все стороны идейного наследия народных демократов и что в дальней-

шем будет необходимо исследовать также и оставшиеся вне его рассмотрения вопросы. Заслуга же Плеханова состоит как раз в том, что он обратился к разработке указанных вопросов, и именно он оказался одним из тех, чьи творения и по этим вопросам не потеряли своего исторического значения.

Итак, мы обозначили те факторы, которые в своей совокупности привели Плеханова к обстоятельному исследованию эстетического наследия русских революционных демократов. И заметим, что по всем этим вопросам позиция, занимаемая Плехановым, в основном и главным совпадает с ленинской; совпадает хотя бы в том отношении, что в этой борьбе Плеханов так же, как и Ленин, отстаивает чистоту всей теоретической и практической деятельности революционных демократов, доказывает страстную их преданность делу революционного крестьянства, мощь и силу их критической мысли, величие оставленного ими литературного наследия, прямую преемственную связь «русских учеников» (марксистов) с величайшими их предшественниками, «с наследством»*.

Так, известно, что такие представители буржуазной философии в России, как В. Соловьев, М. Гершензон, Д. Радлов, как

* В подтверждение данного положения достаточно было бы сослаться на следующий ниже ответ Плеханова Михайловскому по поводу замечания последнего относительно материалистического понимания Плехановым истории, если бы этот ответ не вызывал никаких возражений со стороны оппонентов Плеханова: «Я считаю за честь «воскрешать» этот метод (речь идет о диалектическом методе Маркса. — Р. К.), перед которым не устоят наши «субъективные» измышления и наши утопические «формулы прогресса». Г. Михайловский и сам чувствует, что дело субъективных измышлений и утопических формул обстоит теперь очень плохо, поэтому он прятается за спину наших просветителей, а нас выдает за ожесточенных врагов наследства, завещанного нам шестидесятью годами. Но и это — «неправда»... От шестидесяти годов нам досталось различное наследство. Мы унаследовали от них, например, идеи Добролюбова и его друзей. Я приглашаю г. Михайловского показать, где и когда нападали мы на эти идеи. Он никогда не покажет этого по той простой причине, что мы, напротив, защищали их. Но от тех же шестидесяти годов мы унаследовали и Михайловского и некоторых его единомышленников. **Это** наследства нам, как говорится, не нужно и даром; от этого наследства мы отрешиваемся обеими руками. Отрешиваемся, во-первых, потому, что мы вообще не охотники до пустой и вредной забавы, называемой субъективным мышлением; а во-вторых, потому, что пустая и вредная забава, называемая субъективным мышлением, являлась как реакция против дорогих нам идей Добролюбовского кружка. Субъективизм утвердился у нас на время единственно потому, что сошел со сцены этот кружок... И если этот маленький человек, на время показавшийся большим оттого, что великие люди удалились, решился обвинять нас в отрицательном отношении к оставшемуся после шестидесяти годов идейному наследству, то он, очевидно, рассчитывал на короткую память читателя. Но, поступая так, он сделал очень рискованный шаг. Память читателя коротка лишь до поры до времени. Что будет, если читатель начнет справляться с метриками? Что будет, если он, наконец, выяснит себе истинное отношение г. Михайловского к наследству, завещанному нам шестидесятью годами? Будет то, что г. Михайловского и его единомышленников перестанут принимать всевозможные даже самые наивные «субъективные юноши». Разумеется, от этого очень много выиграет наше умственное развитие. Но г. субъективисты немало потеряют при этом» (Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. 2, стр. 298—299).

43 Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 435.

44 Там же, стр. 433.

45 О чем можно судить на основании его заявлений о том, какое произвело на него впечатление чтение «Железной дороги» Некрасова еще в гимназические годы, и о том, что его «собственное умственное развитие совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского» и по тому, что он говорил в первом же своем политическом выступлении по поводу заточения Чернышевского в тюрьму и т. д.

46 В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 507—508.

47 Там же.

литературные критики, подобные Волынскому, Венгерову, Скабичевскому, и эпигоны народничества во главе с Михайловским сошлись между собою в своей явной клевете на общественно-политическую и литературно-критическую деятельность великих революционных демократов. Все они на разные голоса, но в целом на один лад кричали, будто революционные демократы не оставили никакого определенного метода, не разработали никаких принципов объяснения исторических фактов. И все это будто бы потому, что они, не отличаясь самостоятельностью мышления, не смогли создать свою, оригинальную систему взглядов, собственную историко-философскую и литературно-критическую теорию.

В этой клевете первое место заняли веховцы, писания которых еще Ленин характеризовал как «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию»⁴⁸. Все представители активных сторонников «чистого искусства» в лице импрессионистов, символистов, футуристов, кубистов и др. проповедовали на страницах своих журналов, в том числе и в сборнике «Вехи», «вечные» идеалы поэзии, абсолютную «независимость» искусства от социально-экономической и политической жизни общества, и тенденциозно изображали революционных демократов типичными идеалистами и рабскими последователями западно-европейских мыслителей.

«Выход Белинского на критическую арену, — писал, например, Волынский А., — не ознаменован никакими блестящими идеями, добытыми собственным оригинальным умом»⁴⁹.

«Как только эстетическое явление осложнилось философскими и нравственно-политическими началами, — писал Михайловский о Белинском, — так чуть правды более или менее изменяло ему, между тем как жажда оставалась все та же, и это-то и делало из него того великого мученика правды, каким он выступает в своей переписке»⁵⁰.

Не лучше и «участь» Чернышевского и Добролюбова, про которых, например, Булгаков писал: «Такие ... вожди русской интеллигенции, как Добролюбов и Чернышевский (оба семинаристы, воспитанные в религиозных семьях духовных лиц), сохраняют почти нетронутым свой прежний нравственный облик»⁵¹.

«История нашей общественной мысли, — пишет в том же сборнике Гершензон, — делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины. Шеллингизм, гегельянство... позитивизм — что ни этап, то иностранное имя. Наше сознание в массе не вырабатывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе. Поэтому у нас и в помине не было своей национальной эволюции мысли, мы просто хва-

тали то, что каждый раз для себя создавала западная мысль, и носились с этим даром до нового, лучшего подарка. История нашей публицистики, начиная после Белинского, сплошной кошмар»⁵².

Какова же позиция Плеханова?

В литературе распространено мнение, согласно которому «первая попытка разоблачить с марксистских позиций тенденциозно-клеветнические измышления дворянско-буржуазных писак принадлежит Плеханову, но что он не смог якобы справиться со своей задачей до конца потому, что «сам оказался в плену либерально-буржуазных представителей»⁵³. Проявилось же оно у него якобы в том, что он, подобно «дворянско-либеральным писакам», отрицал также самостоятельный, оригинальный характер воззрений русских революционных демократов, ошибочно представляя их рабскими последователями западно-европейских философов.

«По Плеханову, — пишет Иовчук, — русские мыслители следуют одному направлению западно-европейской мысли за другими», они избирают те или иные идеи западно-европейской философии, становятся популяризаторами этих идей в русских условиях. С этой точки зрения Плеханов подходит к философской эволюции Белинского и Чернышевского. Он не учитывал национальных исторических условий русской жизни, нашедших свое отражение в русских философских системах...»⁵⁴.

И все это будто бы по вине опять-таки того же меньшевизма.

Но мы вновь повторяем, что если бы даже дело обстояло именно так, как его изображают эти авторы, то и тогда *меньшевизм* Плеханова здесь ни при чем. Ведь существо плехановского меньшевизма сводится не к отрицанию социалистической революции со всеми ее атрибутами, а к отрицанию *прямого перерастания* буржуазно-демократической революции в социалистическую, а в этом, по нашему убеждению, Плеханов даже при всем желании не смог бы использовать учение революционных демократов. Нам думается, что ничем, кроме как искусственным схематизмом, не обусловлено объяснение меньшевизмом Плеханова того, что он якобы рассматривал развитие русской философии и общественной мысли как своеобразный процесс «филиации идей», заимствованных у мыслителей Западной Европы, что он якобы не учитывал национальных исторических условий русской жизни, нашедших свое отражение в русских философских системах; что он будто бы оставил в стороне классовую борьбу в русском обществе и ее отражение в идейно-политической жизни, и не принимал во внимание преемственность философских традиций в России»⁵⁵.

⁴⁸ Сб. «Вехи», 1909, стр. 15.

⁴⁹ См., напр., работу В. Г. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского», М., 1956, стр. 719—722.

⁵⁰ Сб. Из истории русской философии. 1949, стр. 65.

⁵¹ См. там же.

⁴⁸ В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 173.

⁴⁹ А. Л. Волынский. Русские критики. СПб, 1896, стр. 79.

⁵⁰ См.: В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. XXXI, 1893, изд. Павленкова.

⁵¹ Сб. «Вехи», 1909, стр. 20.

И на самом деле, как можно утверждать, что Плеханов «оставлял в стороне классовую борьбу в русском обществе и ее отражение в идейно-политической жизни», когда он сам был непосредственным, можно сказать, очевидцем, участником этих классовых битв и живым примером ее отражения в идейно-политической жизни. И что могли бы означать слова Плеханова, что его «собственное умственное развитие совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского», разбор взглядов «которого составил целое событие в его литературной жизни»⁵⁶, если не признание преэминентности философских традиций в России?

Вызывает возражение и утверждение, будто «Плеханов не сумел дать всестороннего и во всем правильного истолкования идей революционных демократов, потому что он рассматривал их вне общественной жизни России, вне породившей их русской действительности, поскольку в статье «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» он прямо утверждал: «В начале своей литературной деятельности Чернышевский находил, что передовые слои общества более всего интересуются литературой; поэтому он взялся за исследование эстетических отношений искусства к действительности. Впоследствии наша общественная жизнь поставила на очередь экономические вопросы; тогда и он перешел от эстетики к политической экономии. Как в первом, так и во втором случае ход его занятий целиком определялся ходом умственного развития его читателей, вызываемым ходом развития нашей общественной жизни»⁵⁷ (курсив наш. — Р. К.).

Работа Плеханова «Белинский и разумная действительность» специально посвящена доказательству того положения, что Белинский, в поисках разрешения «проклятых вопросов» общественной жизни именно России, вынужден был обратиться к классической немецкой философии в лице ее выдающихся представителей, в частности Гегеля, с тем, чтобы творчески применить диалектику этой философии к русской действительности. Ведь и здесь Плеханов не случайно формулирует общую задачу статьи именно таким образом:

«Как ни авторитетно мнение этих двух мужей (речь идет о Вольнском и Михайловском, которые — как мы уже показали выше, пытались представить философское мышление, философские идеи Белинского, равно как и других революционных демократов, одним сплошным вздором), — из которых один столько же силен в социологии, сколько другой в философии, — мы позволим себе не согласиться с ними. Мы думаем, что именно в течение примирительного периода своего развития, именно в области «нравственно-политической» (читай философско-политической. — Р. К.), Белинский высказывал много мыслей, не только вполне достойных мыслящего существа, ... но до сих пор заслуживающих полного внимания со стороны всех тех, кото-

⁵⁶ См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 382.

⁵⁷ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 435—436.

рые хотят найти правильную точку зрения для оценки окружающей нас действительности»⁵⁸ (курсив наш. — Р. К.).

Но в таком случае как понять те места из сочинений Плеханова, на которые ссылаются его критики и которые при соответствующем тенденциозном подходе «действительно служат должным подтверждением тому, что наш автор не смог освободиться от версии о несамостоятельном характере философского творчества революционных демократов, представляя последних лишь послушными учениками западноевропейских философов?»

Если исходить не из отдельных, подчас действительно не совсем удачных формулировок, а из общего духа, тенденции и направленности сочинений Плеханова в целом, то не трудно убедиться в том, что здесь мы имеем дело не с отрицанием самостоятельного характера творческой мысли революционных демократов, не с рассмотрением их в качестве слепых последователей западноевропейских мыслителей, не с отрицанием им «прочной материалистической традиции в России», а всего лишь с подчеркиванием того бесспорного факта, что творческий, критический подход революционных демократов к западноевропейским мыслителям вообще и к немецким в частности, именно по сложившимся тогда в России обстоятельствам, — привел их не к тем результатам, к которым пришли Маркс и Энгельс, а всего лишь к более последовательному применению этих философских систем и учений к российским условиям. И в этом Плеханов был абсолютно прав. Ибо провести более последовательно, чем сам Гегель, диалектические его принципы и установки, и более последовательно, чем сам Фейербах, основы его материалистической теории — это уже немалая заслуга. Тем более, что русские революционные демократы в своем обращении к европейской философской мысли не столько исходили из задач творческого их развития в плане абстрактной общефилософской теории, сколько из задач творческого их применения именно к тем теоретическим и практическим задачам, которые выдвигались самим ходом русского общественного развития.

Поскольку объектом нашего исследования в данном случае служит область эстетики, постольку и соответствие выдвинутых здесь установок действительному положению вещей мы и попытаемся доказать и подтвердить фактами именно из этой сферы.

Начнем с того тезиса, будто «Плеханов сбрасывал со счета прочную материалистическую традицию в России», который В. Баскаков, например, «обосновывает» тем, будто Плеханов «не учитывал того факта, что Чернышевский выступал как прямой и непосредственный продолжатель материалистической линии Белинского»⁵⁹.

Мы полагаем, что это утверждение абсолютно лишено основания, и попытаемся это доказать.

⁵⁸ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 282.

⁵⁹ См. его монографию «Мировоззрение Чернышевского». М., 1955, стр. 719—720.

Известно, что в теории общую сферу интересов Белинского и Чернышевского составили вопросы искусства и эстетики, хотя не только в одном специфически-эстетическом аспекте их анализа, но и в их отношении к общественно-политическим вопросам времени. Значит, чтобы разобраться в подлинных взаимоотношениях Белинского и Чернышевского, надо прежде всего обратиться в их взаимоотношениях именно в данной сфере. А в этой связи Плеханов неоднократно подчеркивал, что «если Белинский был *родоначальником* наших просветителей, то Чернышевский явился самым крупным их представителем», «литературные и вообще эстетические взгляды» которого «имели огромное влияние на дальнейшее развитие русской критики»⁶⁰.

При этом, по глубокому убеждению Плеханова, все это было сделано именно таким образом, что Чернышевский не только *отправлялся от Белинского, но и положил в основу* своего эстетического учения *именно результаты эстетической теории Белинского, развивая их в том направлении, которое подсказывалось внутренней логикой их постановки и решения Белинским*. Вот что писал по этому поводу Плеханов, например, в своем труде «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского»: «В своем последнем годичном обзоре русской литературы умирающий Белинский, опровергая эту теорию (речь идет о теории искусства для искусства. — Р. К.), старался доказать, что искусство никогда не ограничивалось элементом прекрасного. *Молодой, полный сил Чернышевский положил эту мысль в основу своего первого крупного теоретического исследования*. Этим лучше всего характеризуются его отношения к «критике гоголевского периода». Диссертация Чернышевского являлась *дальнейшим развитием тех взглядов на искусство, к которым пришел Белинский в последние годы своей литературной деятельности*»⁶¹ (курсив наш. — Р. К.).

Нам думается, что уже одни эти выдержки опровергают утверждения о том, будто Плеханов «не учитывает того факта, что Чернышевский выступил как прямой и непосредственный продолжатель материалистической линии Белинского».

Что же касается отношения эстетической теории Белинского и Чернышевского к философско-эстетическим учениям Гегеля и Фейербаха, то мы можем сказать, что философско-эстетические теории Гегеля и Фейербаха сыграли важную роль в формировании и определении сущности эстетических учений русских революционных демократов, и в этом нет ничего ни противоестественного, ни оскорбительного для последних. Оно было продиктовано самим ходом *мирового* общественного развития таким образом, что, по сложившимся к тому времени обстоятельствам именно Гегель и Фейербах оказались на вершине *мировой* философско-теоретической мысли, и поэтому к ним вынуждены

⁶⁰ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 426.

⁶¹ Там же, стр. 431—432.

были обращаться и выдающиеся мыслители всех стран, а не только одни их раболепствующие ученики и «последователи».

Поэтому не могли составить исключения в этом отношении и русские революционные демократы, которые в поисках решения мучивших их общественно-политических и философско-теоретических вопросов обратились к творческому наследию немецких мыслителей.

Важно при этом, что лейтмотивом всех плехановских работ по этому вопросу является его неизменное стремление показать и доказать *именно творческий характер осмысления и применения* русскими революционными демократами философских учений Запада.

Даже там, где Плеханов, казалось бы, констатирует просто «следование» Белинского немецким мыслителям, это делается таким образом, что беспристрастный читатель не может не прийти к вполне определенному убеждению в том, что, по мнению Плеханова, *само это «следование» свидетельствует о творческом характере подхода Белинского к немецким мыслителям*. Не говоря уже о том, что Плеханов достаточно ясно определил и то, в чем философские творения русских революционных демократов уступали творениям их европейских учителей, а в чем — превосходили их. Причем, автор почти всегда акцентировал внимание именно *на том*, в чем состояло это превосходство*.

Плеханов полагал, что путь от Гегеля к Марксу исторически пролегает через материализм Фейербаха. Между материализмом Фейербаха и материализмом Маркса, как двумя историче-

* Достаточно в этом отношении сослаться хотя бы на такие замечания Плеханова, как: «...когда Белинский открыл противоречие между «абсолютными» претензиями Гегелевской философии и ее диалектическим методом, он перешел на сторону диалектики, которая помогла ему выработать себе правильный взгляд на известные стороны западноевропейского общественного развития»; (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. 1, стр. 421). «Как человек сильного и логического ума, — считал Плеханов, — Белинский не мог не замечать тех частных противоречий, в которые попадал Гегель благодаря указанному основному противоречию. Он разрешал эти противоречия так, что доводил до крайнего вывода «абсолютную» тенденцию своего учителя». И «очень ошибается тот, кто думает, что, подчинившись влиянию Гегеля, Белинский отказался от всякой самостоятельности в суждениях» (курсив наш. — Р. К.) (там же, стр. 343, приложение); что Белинский был близок к материалистам-диалектикам в том смысле, что, «как гегельянец, он не довольствовался указанием на взаимодействие различных сторон общественной жизни и общественного сознания» (там же, стр. 343). Мне возразят, пожалуй, что ведь и Белинский не совсем правильно понимал учение о тождестве разумного и действительного. Отвечаю: ошибка ошибке рознь. Даже не вполне правильно понимая указанное учение, Белинский чутьем гениального человека почувствовал его колоссальную важность для решения вопроса о том, как относится субъективное стремление людей к объективному ходу развития общественных отношений, — другими словами: как относится общественное сознание к общественному бытию...» (там же, стр. 422); что «...несмотря на отсталость родины Белинского, мысль его плодотворно работала в том самом направлении, в котором двигалась самая передовая мысль самых передовых стран Запада. Недаром он с увлечением читал «Deutsch Frauzösische Jahrbücher», издававшийся в Париже Арнольдом Руге и Карлом

скими *формами* материализма, нет и не может быть *третьей формы*. Ибо материализм, который может вырасти из материализма Фейербаха как действительное его развитие именно *до новой, более высокой формы материализма*, мог быть только диалектическим материализмом. Иному материализму, как *новой* его форме, полагает Плеханов, после гегелевской философии просто не возникнуть*. Поэтому он те или иные материалистические философские мысли и идеи XIX столетия и относил либо к диалектическому материализму, либо к типу феербаховского материализма именно как к *предшествующему*, но не доросшему до первого. Отсюда, говоря о плехановской характеристике философских воззрений революционных демократов, мы вправе акцентировать внимание не на том, что он ограничивал их рамками материализма Фейербаха, а на понимании этих *воззрений Плехановым по существу*. В связи с этим у нас есть все основания утверждать, что Плеханов вполне ясно себе представлял, что русские революционные демократы далеко не ограничивались тем, что было сделано Фейербахом, а во многом значительно дополнили, расширили, и, следовательно, развили его дальше. И здесь Плеханов обращает внимание прежде всего как на *внесение* революционными демократами *элементов диалектики* в свои сочинения, так и на *дальнейшее развитие самого материализма Фейербаха*.

«В абсолютную эпоху своего философского развития Белинский думал, — писал Плеханов, — что в произведениях поэта критика должна найти «общее» и необходимое, а до временного и случайного ей нет никакого дела... Но этот взгляд *существенно изменился введением в него диалектического элемента*»⁶². И далее: «При несколько внимательном чтении сочинений Белинского, — продолжает он, — легко убедиться, что именно *этой существенной переменной в философских его воззрениях*, то есть этим введением в них *диалектического элемента*, обуславливаются почти все те изменения, которые совершились в его литературных взглядах после разрыва с Гегелем»⁶³.

А вот и его соображения насчет развития самого *материализма Фейербаха* революционными демократами (кроме внесения диалектических элементов в него), где он обращает внимание как раз на гениальные их прорывы к материалистическому пониманию ряда элементов, сторон общественной жизни.

Марксом» (там же, стр. 388). А вот и положения Плеханова о Чернышевском и Добролюбове: «Когда сошли со сцены Добролюбов и Чернышевский, — пишет Плеханов, — передовая русская общественная мысль *покинула* на довольно продолжительное время, с *огромным вредом* для себя, тот путь, *который вел от Гегеля к Марксу*» (там же, стр. 424) (курсив наш. — Р. К.).

* См. статью Плеханова: К шестидесятой годовщине смерти Гегеля (Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. I, стр. 438—439).

⁶² Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 343—344. См. по этому поводу и такие труды Плеханова, как: «Белинский и разумная действительность», «Литературные взгляды В. Г. Белинского» и др.

⁶³ Там же, стр. 344.

В монографии о Чернышевском, приводя массу примеров из сочинений Чернышевского, подтверждающих наличие попыток материалистического объяснения ряда явлений общественной жизни у автора, Плеханов заключает: «Нельзя говорить яснее. Не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Это положение, составляющее основу философии Фейербаха, прилагается Чернышевским к объяснению истории экономической науки, политической теории и даже философии. Чернышевский видит, что в общественном бытии есть взаимоположенные элементы, он видит также, каким образом борьба этих взаимоположенных общественных элементов вызывает и определяет взаимную борьбу теоретических идей. Но этого мало. Он видит не только то, что развитие всякой данной науки определяется развитием соответствующей категории общественных явлений. Он понимает, что взаимная классовая борьба должна накладывать свою глубокую печать на всю внутреннюю историю общества»⁶⁴.

И далее: «Выше мы привели некоторые ... положения Фейербаха насчет влияния образа жизни людей на их образ мыслей. Все это совершенно материалистические положения. Однако эти положения остались у Фейербаха в совершенно неразвитом виде даже в его учении о религии. Чернышевский применил взгляды Фейербаха к эстетике и *тут он достиг ... результатов, в известном смысле весьма значительных* (курсив наш. — Р. К.). Но и здесь его выводы не были вполне удовлетворительны, потому что совершенно правильное понятие об эстетическом развитии человечества предполагает предварительную выработку общего понимания истории. Что же касается этого общего понимания истории, то Чернышевскому *удалось сделать* (все-таки удалось!? — Р. К.) лишь несколько, — правда, очень верных, — шагов в направлении к его выработке»⁶⁵.

В труде же «Эстетическая теория Н. Г. Чернышевского» Плеханов отмечал, что «*Эстетические отношения искусства к действительности*» представляют собою интересную и *единственную в своем роде* (курсив наш. — Р. К.) попытку построить эстетику на основе материалистической философии Фейербаха»⁶⁶.

Рассмотрим суждения Плеханова и о Белинском.

В материалистический период своего философского развития Белинский, писал Плеханов, «*стал приурочивать развитие литературы к развитию общественных сословий и классов...*» Приводя в этой связи пример с оценкой творчества Пушкина Белинским, Плеханов добавляет, что в «основе *такой* критики лежит тот основной принцип исторического материализма», по которому «не мышление определяет собою бытие, а бытие определяет собою

⁶⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 259.

⁶⁵ Там же, стр. 260—261.

⁶⁶ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 444.

мышление»⁶⁷; и что «Литературная критика только тогда и станет обеими ногами на твердую почву, когда она целиком усвоит себе этот принцип. До этого, к сожалению, — продолжает Плеханов, — пока еще очень далеко. Но именно потому, что до этого еще очень далеко, людям, желающим выработать материалистический взгляд на литературу, необходимо снова и снова возвращаться к Белинскому»⁶⁸ именно как к «одному из тех писателей, которые впервые начали применять некоторые основные положения исторического материализма к изучению истории литературы»⁶⁹.

Еще одно замечание Плеханова, и мы перейдем к своим заключениям.

В статье «Виссарион Белинский и Валериан Майков» Плеханов, разоблачая несостоятельность попыток Скабичевского, Арсеньева, Александровского и многих других критиков поставить Майкова выше Белинского, пишет: «Всего вернее, что В. Майков умер, не успев выйти из своего периода философских исканий. Значит, нам только и остается здесь, что определять общее направление, в котором совершались эти искания. Но зато мы можем с полной уверенностью повторить: *направление это резко разошлось с тем, по которому шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова и, наконец, русских марксистов*»⁷⁰.

Из всех этих рассуждений Плеханова следует тот вывод, что, хотя он и не говорит прямо об *оригинальности* философской системы революционных демократов и в его работах как-будто больше говорится о *связи и зависимости* их от западноевропейских мыслителей, нежели о самостоятельности их философского мышления, тем не менее, вникнув в существо дела, мы убеждаемся в том, что Плеханов вполне определенно относился к материализму революционных демократов — хотя и не как к *новой форме материализма*, но как к *новому звену* в единой цепи перехода от Гегеля к Марксу в России. Здесь уместно заметить, что и сам он выступил в роли одного из таких связующих звеньев при переходе от Гегеля к Марксу. Именно об этом свидетельствует настойчивое подчеркивание Плехановым внутреннего логического единства идей, идущего от Белинского через Чернышевского и Добролюбова к русским марксистам.

Определив, таким образом, место революционных демократов в этой тянувшейся от Гегеля к Марксу единой нити мысли необходимо, в свою очередь, определить и существо отношений самого Плеханова *именно как марксиста* к революционным демократам. Плеханов понял, что поскольку философия революционных демократов составила *новое звено* в цепи идей, иду-

щих от Гегеля к Марксу, которое расположено между Фейербахом и Марксом, то необходимо обратить должное внимание прежде всего на то, что нового было внесено революционными демократами в решение философских вопросов по сравнению с их предшественниками вообще и Фейербахом, в частности. Вместе с тем, поскольку их философия не поднялась до уровня диалектико-материалистической философии Маркса и Энгельса, то не менее важно было выяснить, в чем она уступала последней, т. е. выявить все ее недостатки и изъяны.

В результате, в общеметодологическом аспекте анализа, Плеханов заслуги революционных демократов усматривает в более сильной у них, чем «у самого Фейербаха», «диалектической закваске» и более последовательном проведении ими принципа материализма вообще и в «применении некоторых основных положений исторического материализма» к вопросам искусства и эстетики, в частности. К отрицательным сторонам у них он относит: непоследовательность революционных демократов и в диалектике, и в вопросах материализма. При этом важно отметить, что эти отрицательные стороны их философии Плеханов в определенном смысле ставил в прямую зависимость от их *просветительства*. Он не без основания полагал, что просветительство в определенной мере неизбежно ведет к отвлеченным принципам (что в сфере эстетики у русских революционных демократов нашло выражение в нередких переходах от исторического рассмотрения вопроса к отвлеченным рассуждениям о том, чем должно быть искусство*) — и в той же мере и степени, в какой просветителю не избежать этой отвлеченности, в той же мере ему не избежать и сползания с позиций материализма и диалектики на позиции идеализма и метафизики. «...У Белинского в последний период его литературной деятельности, а у Чернышевского — с самого ее начала публицистические, а в значительной степени и литературные взгляды были проникнуты *своим собственным «просветителям» идеализмом*»⁷¹ (курсив наш. — Р. К.).

Переход от материализма и диалектики к идеализму и метафизике у русских «просветителей» происходил, по мнению Плеханова, в той мере, в какой проповедуемые ими идеи и теории выводились не из анализа внутреннего развития самой действительности, а из *отвлеченных принципов и понятий «должного»*. Такое «должное», учит Плеханов, исходит не из самого объективного хода развития вещей, явлений и процессов, а ис-

* В «Эстетической теории Н. Г. Чернышевского» Плеханов писал по этому поводу: «В статье о литературных взглядах Белинского мы сказали, что в своих спорах со сторонниками чистого искусства он покидал точку зрения диалектика для точки зрения просветителя. Но Белинский все-таки охотнее рассматривал вопрос исторически. Чернышевский окончательно перенес его в область отвлеченного рассуждения о «сущности» искусства, т. е., вернее, о том, чем оно должно быть» (Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 432).

⁷¹ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 498.

⁶⁷ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 386.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, стр. 385.

⁷⁰ Там же, стр. 423.

ключительно из субъективных желаний просветителя; как таковое оно строится на отвлеченных принципах и установках, — а как уже таковое, оно прямым путем ведет к *схематизму и догматизму*, и далее — от них — к идеализму и метафизике, как к единственному его финишу. Эти соображения у Плеханова мы находим, например, в том, что, говоря о Белинском, он писал: «Чтобы обосновать «идею отрицания» в России, нужно было открыть и показать, каким образом историческое развитие общественных отношений, составляющих данную российскую «действительность»; должно *своей собственной, внутренней логикой* привести со временем к отрицанию той же «действительности», т. е. к замене новой «действительностью», более или менее соответствующей идеалам передовых личностей. Страшная отсталость нашей тогдашней общественной жизни не дала Белинскому возможности решить эту чрезвычайно важную теоретическую задачу. А так как он по всему своему нравственному складу все-таки не мог жить в мире с «действительностью», так как его мир с нею был лишь перемирием, ему пришлось обосновывать свою «идею отрицания» другим и уже совсем не диалектическим путем: он стал выводить *ее из отвлеченного понятия о человеческой личности*»⁷².

То же самое и с Чернышевским: «Чернышевский, — пишет Плеханов, — подметил, что эстетические понятия людей определяются в последней инстанции их экономическим бытом. Это свидетельствует об огромной проницательности его взгляда». Однако, «чтобы поставить всю свою эстетическую теорию на прочную материалистическую основу, ему нужно было подробнее изучить подмеченную им причинную связь эстетики с экономикой и проследить эту связь по крайней мере через главные фазы исторического развития человечества. Этим он сделал бы величайший переворот в истории эстетики. Но, в первых, метод, которого он держался в своих исследованиях, «оказался недостаточно разработанным», и, «во-вторых, он как «просветитель» интересовался не столько самой теорией, сколько некоторыми ее выводами, имеющими непосредственное отношение к житейской практике. Поэтому он, бросив чрезвычайно проницательный взгляд на вопрос об отношении сознания к бытию в области эстетики, тотчас же отворачивается от этого теоретического вопроса и спешит дать своему читателю разумный практический совет»⁷³.

До сих пор мы говорили о том отрицательном влиянии, какое оказало на эстетику русских революционных демократов их просветительство. Но спрашивается, было ли для Плеханова в данном случае «просветительство» революционных демократов чем-то вроде абсолютно самостоятельной, самодовлеющей причиной? Ведь известно, что «просветительство» у европейских просветителей не привело и едва ли могло привести к такому

противопоставлению в эстетике того, что должно быть, — тому, «от чего в самой жизни иногда бывает совершенно иначе». И мы можем сказать, что Плеханов не обошел этот вопрос молчанием. Через все его литературное наследие красной нитью проходит мысль о зависимости, точнее — о *взаимозависимости и взаимообусловленности* просветительства и *утопичности* социализма у революционных демократов.

В самом деле, Чернышевский, например, подметил, что эстетические понятия у людей определяются в конечном итоге их экономическим бытием. Если бы он последовательно провел эту линию, то он бы сделал величайший переворот в истории эстетической науки, поставив ее на прочную материалистическую основу. Но он этого не сделал. Почему? Конечно, и потому, что метод, которого он придерживался, оказался недостаточно разработанным; но, главным образом, — потому, что он, как просветитель, не столько интересовался самой теорией, сколько некоторыми ее выводами, имеющими непосредственное отношение к житейской практике. Но ведь *создание* научно безупречной материалистической теории эстетики имело бы не менее важное значение и для житейской практики? И все-таки Чернышевский пошел не по этому единственно правильному пути, хотя этот путь ему подсказывала и сама логика его материалистической эстетической теории. В чем же дело? В том, надо полагать, что русские революционные демократы, в отличие от европейских просветителей, возлагали свои надежды в переустройстве общественной жизни на началах социализма не на убеждение «верхов», а на активную революционную борьбу низов, т. е. крестьян. Но поскольку они это делали как просветители, да еще и утопически-социалистического толка, то их попытки использовать некоторые выводы из теории в житейской практике привели к тому, что они вопрос «должного» вознесли настолько выше того вопроса, «от чего в самой жизни иногда *бывает* совершенно иначе», что, тем самым, они это чрезмерно реальное по замыслу положение превратили в свою противоположность — в чрезмерно отвлеченное по результатам. И этим, собственно, объясняется, по Плеханову, и тот странный факт, что в диссертации материалиста Чернышевского, именно в отмеченном здесь отношении, *меньше истинно-материалистических замечаний*, чем, например, в «Эстетике» абсолютного идеалиста Гегеля⁷⁴.

Хотя Плеханов прямо не ставит вопроса о социально-политических и гносеологических корнях и предпосылках «должного» в эстетике революционных демократов, тем не менее, в его литературно-критическом наследии содержится достаточное количество таких положений, которые, если следовать логике его рассуждений, дают основание для утверждений, что социально-политические корни и предпосылки отвлеченного «должного»

⁷² Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 492.

⁷³ Там же, стр. 484—485.

⁷⁴ См.: Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 485.

революционных демократов он сводил к утопическому характеру их социализма со всеми его специфическими особенностями. Гносеологические же корни этого «должного» Плеханов видит в отмеченном им известном противопоставлении «должного» тому, «от чего в самой жизни иногда бывает совершенно иначе».

Из указанной выше постановки вопроса вытекает далее, что отмеченное здесь противоречие у революционных демократов Плеханов считал главным противоречием в их эстетике, которое он сознательно или бессознательно положил и в основу своего отношения к их эстетическому наследию, полагая, что только оно, это противоречие, и определяет для нас границы приемлемости революционно-демократической эстетической теории. Этим и определялись для Плеханова как сильные, так и слабые стороны эстетики Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. И не случайно поэтому для Плеханова и сила *диалектической заправки* мышления революционных демократов, и *применение* ими не только материалистической философии Фейербаха, но и некоторых элементов материалистического объяснения общественной жизни к вопросам искусства и эстетики, определялись их связью с жизнью.

Из сказанного могут быть сделаны следующие выводы.

Плеханов и здесь неизменно следует известному своему принципу: в определении значимости и ценности прошлых эстетических учений исходить из степени их приближения к материалистической теории общественного развития. И в итоге он приходит к следующим результатам.

1. Эстетика революционных демократов в тенденции своего развития двигалась в том же самом направлении, в каком затем пошло построение марксистской эстетической науки. На этом пути революционные демократы «применением некоторых основных положений исторического материализма к явлениям искусства» и «внесением элементов диалектики в свои сочинения» сделали по сравнению со своими предшественниками весьма существенный шаг вперед, и в этом их заслуга.

2. Однако то, что они двигались в этом направлении, еще не значит, что это происходило плавно и гладко, без каких-либо срывов и отклонений. Напротив, ввиду отсутствия у них единой материалистической теории общественного развития, они не могли и не смогли создать последовательной диалектико-материалистической теории эстетики. И это отразилось на существе решения ими как общетеоретических вопросов искусства и эстетики, так и частных, специфических вопросов.

3. Поскольку революционные демократы не поднялись до уровня диалектико-материалистической философии Маркса и Энгельса и поскольку их усилия в создании теории эстетики ограничились первыми, хотя и весьма существенными сдвигами вперед, Плеханов, как марксист, был обязан не просто поправить оставленные ими мысли и соображения, *но на их основе*

(но не только на одной этой основе) в меру своих сил продолжить начатое ими дело построения подлинно научной материалистической теории эстетики. Причем, Плеханов должен был решить эту задачу и в области общетеоретических, методологических вопросов искусства и эстетики, и в области конкретно-специфических их вопросов. И Плеханов, считаем мы, вполне удовлетворительно справился с этой столь сложной задачей. Проиллюстрировать это здесь просто нет возможности, и потому мы ограничимся указанием на то, как сам Плеханов мыслил себе исправление, дополнение и развитие идей своих великих предшественников. Думается, что это у него выражено в словах: «Чтобы решить ту задачу, которую Белинский задавал эстетике, нужно было со всех сторон обнаружить связь искусства с общественной жизнью и уметь объяснить эту последнюю с научной, то есть с материалистической точки зрения»⁷⁵. Или: «Чернышевский подметил, что эстетические понятия людей определяются в последней инстанции их экономическим бытом. Это свидетельствует об огромной проницательности его взгляда». Однако, «чтобы поставить всю свою эстетическую теорию на прочную материалистическую основу, ему нужно было подробнее изучить подмеченную им причинную связь эстетики с экономикой и проследить эту связь по крайней мере через главные фазы исторического развития человечества. Этим он сделал бы величайший переворот в истории эстетики»⁷⁶. Свидетельством же тому, что все усилия самого Плеханова в данном случае действительно были направлены именно на разработку этого вопроса, могут служить его «Письма без адреса», «Искусство и общественная жизнь», «Французская драматическая литература» и т. д., где с непревзойденным мастерством вскрыта связь искусства с общественной жизнью.

Итак, из всего сказанного по этому вопросу следует вывод: для Плеханова все недостатки и противоречия в эстетике революционных демократов определялись и обуславливались главным образом недостаточной разработанностью тех методов, исследования которых они применяли; просветительством, которое приводило к чрезмерному подчеркиванию того, что «должно быть», в ущерб объяснению того, от чего «в самой жизни бывает иначе», и, наконец, тем, что не раз подчеркивал Плеханов, что они были материалистами, но еще не умели последовательно приложить материализм к объяснению общественной жизни. Этим он как раз и объяснял многочисленные противоречия в их идейных взглядах. Поэтому свои усилия по исправлению, дополнению и развитию их эстетики Плеханов и направил прежде всего на преодоление именно этих недостатков.

4. Отношение Плеханова к революционным демократам отмечено сочетанием благоговейной любви и уважения к ним с

⁷⁵ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 514.

⁷⁶ Там же, стр. 484—485

суровой строгостью, которая иногда может даже показаться «придирчивостью». И это объяснимо. Плеханов, как мы не раз отмечали, занялся вопросами искусства и эстетики не как кабинетный ученый («хотя учености этих его работ мог бы позавидовать и академик самого высокого класса», — отмечает совершенно справедливо Б. Буров в своей статье «Г. В. Плеханов и наше время», ж. «Иностранная литература», 1966, стр. 184, № 7), а как мыслитель, интересы которого вращаются вокруг проблемы социального преобразования общественной жизни на принципах и началах марксова социализма. Это и определило «двойственность» плехановского отношения к наследству революционных демократов. Он должен был, с одной стороны, рьяно заботливого хозяина собрать по крупицам все положительные их мысли и идеи и неустанно культивировать и пропагандировать их; с другой — он должен был в интересах победы социализма непримиримо вскрывать их недостатки и ошибки, сознавая, что в той мере, в какой там содержится положительное решение вопросов искусства и эстетики, они способствуют и распространению и торжеству марксизма в России, а в той мере, в какой в них содержатся отступления от принципов и требований диалектики и материализма, они мешают и будут мешать проникновению и приживанию марксизма в России.

Таким образом, поскольку строгость Плеханова была обусловлена и обоснована не только научно-теоретическими, но и практически-политическими мотивами, то она не должна быть поставлена ему в упрек.

В заключение мы не можем не отметить свое несогласие с теми исследователями эстетического наследия Плеханова, которые доказывают, будто в решении ряда вопросов искусства и эстетики Плеханов пошел не вперед, а назад от революционных демократов⁷⁷. (Ряд исследователей доходит даже до отрицания вообще всякого влияния революционных демократов на Плеханова. См., например, ж. «Пролетарская литература», 1931, № 4, стр. 144, автор М. Н. Иезуитов).

Мы полагаем, что поскольку при других равных условиях преимущество Плеханова по сравнению с великими его предшественниками состояло в том, что он был вооружен методом и теорией марксизма, потому от них он мог идти только вперед. А то, что он пошел именно вперед, подтверждается всем литературным его наследием.

Весь же приведенный тут материал достаточно определенно свидетельствует о том, что эстетическая теория Плеханова действительно формировалась и под прямым воздействием эстетики русских революционных демократов, в процессе критического ее преодоления им.

⁷⁷ Такие утверждения содержатся, например, в работах А. Луначарского, М. Розенталя, И. Астахова и др. (см. А. В. Луначарский, собр. соч., т. 8, стр. 324—325. М. Розенталь, Вопросы эстетики Плеханова. М., 1939, стр. 9 и т. д.).

§ 3. Французское искусство и французские эстетико-критические теории как соответствующие истоки и предпосылки эстетики Плеханова

Важную роль в формировании эстетической теории Плеханова сыграли и французское искусство вместе с французскими теоретиками искусства. Достаточно сказать, что у Плеханова нет специальных работ, посвященных искусству какого-либо другого народа отдельно, кроме французского («Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии»), а тем более, если будет принято во внимание то обстоятельство, что в эстетической его теории надо еще отыскать проблему, по которой бы мысли и идеи автора не демонстрировались французским искусством. Не менее обстоятельно использование Плехановым и эстетико-критических исследований *французских теоретиков искусства*. Тут у Плеханова и Ипполит Тэн, и Сент-Бёв, и Дюбо, и Делакруа, и Давид, и Бомарше, и Дидро, и Вольтер, и Готье, и Сталь, и Флобер, и Буше и десятки других имен.

Что же импонировало в этом искусстве и теориях Плеханову и что из них вошло в его эстетическую теорию и прямо, и критически?

Искусство лучше, чем что-либо иное, ярко и красочно демонстрировало ту основополагающую установку эстетики Плеханова, по которой сущность искусства и его исторические судьбы определяются главным образом характером общественной жизни, социальными отношениями, а не особенностями личности художника, которые хотя и играют весьма существенную роль в этом деле, но никак не могут ни породить, ни изменить общее направление его (искусства) развития.

И французские теоретики искусства сделали не меньше других в доказательство этой мысли (в рамках, конечно, домарксовской мысли), и все это, безусловно, не могло не импонировать Плеханову.

Не мог не отнестись положительно Плеханов к *самим идеям и мыслям* и Тэна относительно необходимости рассматривать художественные произведения в таких весьма существенных трех системах, как: 1) в системе *«всего творчества самого автора»*; 2) в системе *художественной школы, художественного направления*, к которому примыкает автор произведения, и 3) в системе *всего окружающего художника мира в целом*, т. е. в системе «состояния нравов и умов публики», которые «формулируют внутренний мир художника». Плеханову не могли не прийти в голову и обоснование Тэном трех факторов развития искусства, и подчеркивание общественной природы искусства, что у него содержится и в его «Философии искусства», и в его «Истории английской литературы», и в его «Путешествии в Италию», на которые ссылается и Плеханов в своих «Письмах без адреса» (см. первое же из них).

Импонировали Плеханову и *идеи и соображения* Сент-Бёва относительно того, что «при каждой великой политической и социальной революции меняется и искусство, которое является одной из важных сторон общественной жизни»; что «судьбы искусства не подчинены игре случая», а, развиваясь закономерно и подчиняясь закону революционных переходов, оно каждый раз «неизбежно пролагает себе новое русло в более благодатной и плодотворной почве нового общества...»⁷⁸

Одобрительно отнесся Плеханов, безусловно, и к знамени Давида: «*Искусство должно служить народу, республике*»; и к борьбе выдающихся французских теоретиков и практиков вместе за идейное искусство, и к заявлению Флобера о том, что он «*считает форму и сущность*» (читай: содержание. — Р. К.) двумя сущностями, никогда не существующими одна без другой»⁷⁹, и ко многому другому. И они так или иначе вошли и в эстетику Плеханова. При этом мы, конечно, не утверждаем, что все это вошло в эстетику Плеханова *только через* французское искусство и французских теоретиков искусства. Ибо Плеханов слишком хорошо сознавал, что они — не приоритет одной только французской литературы, а так или иначе выражены и в творениях мыслителей и других стран. Так, не говоря уже о русских революционных демократах, Плеханов отметил эти тенденции, нотки и моменты даже в немецкой философии, о чем мы уже говорили, но в подтверждение которого мы и здесь сошлемся на одно такое его замечание.

В труде «Очерки по истории материализма», где Плеханов как раз характеризует существо французских эстетических теорий, он отмечает, что «еще древние очень хорошо знали, что, например, *красноречие* в значительной степени зависит от нравов и политического строя общества. Писатели прошлого (XVIII столетия) знали это столь же хорошо. Как мы показали в нашем предыдущем очерке, Гельвеций не раз прибегал к состоянию общества для объяснения происхождения направлений эстетического вкуса. В 1800 году появилась книга госпожи де Сталь-Гольштейн «О литературе и ее взаимоотношениях с социальными учреждениями». В эпоху реставрации и при Луи Филиппе Вильмен, Сент-Бёв и многие другие во всеуслышание заявили, что *литературные революции* возникают только вследствие *социальной эволюции*. По другую сторону Рейна великие философы, рассматривавшие литературу и изящные искусства, как и все вообще в процессе становления, при всем своем идеализме имели уже четкие взгляды на тесную связь всякого искусства с социальной средой, порождающей художника»⁸⁰.

Из предыдущих параграфов и данного замечания видно,

⁷⁸ См. его «Надежды и чаяния литературно-поэтического движения после революции 1830 года».

⁷⁹ См. это у Плеханова в «Искусстве и общественной жизни», Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 191.

⁸⁰ Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. II, стр. 163—164.

таким образом, что эти положения и установки эстетической критики в эстетику Плеханова вошли не только через французских критиков, *но и через них*, так как и они, со своей стороны, безусловно, способствовали утверждению Плеханова во мнении их полной правоты и справедливости. Весьма характерны в этом отношении следующие два примера:

В труде «О Белинском» Плеханов, приводя мысли великого критика о том, что «Задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решить, чем должно быть искусство, а в том, что такое искусство...» (полностью цитату смотрите во 2 параграфе данной главы), добавляет к этому: «Это, безусловно, верная мысль. Ее впоследствии, почти теми же самыми словами, выразил Ипполит Тэн (курсив наш. — Р. К.) в своих «Чтениях об искусстве». Вот его слова: «Новый метод, которому я стараюсь следовать и который начинает входить во все нравственные науки, заключается в том, чтобы смотреть на человеческие произведения и, в частности, на произведения художественные, как на факты и явления, которые должны обозначить характеристические черты и отыскать причины — и более ничего. Наука, понимаемая таким образом, не осуждает и не прощает, она только указывает и объясняет. Она не говорит вам: «Презирайте голландское искусство — оно слишком грубо; восхищайтесь лишь итальянским искусством». Равным образом, не скажет она вам: «Презирайте готическое искусство — оно болезненно; восхищайтесь лишь греческим». Она предоставляет каждому полную свободу следовать собственным своим симпатиям, предпочитать то, что согласно с его темпераментом, и изучать с более глубоким вниманием то, что более соответствует развитию его духа. Что касается до нее самой, то она относится сочувственно ко всем формам искусства и ко всем школам, даже к тем, которые кажутся наиболее противоположными: их она считает различными проявлениями человеческого духа»; и отсюда заключает сам Плеханов:

«Так необходимо должно представляться дело до тех пор, пока мы остаемся в чисто научной области: эстетика, наука не дает нам таких теоретических оснований, опираясь на которые мы должны были бы сказать, что греческое искусство заслуживает нашего восхищения, а готическое — осуждения, или наоборот»⁸¹.

Оставив пока *оценку* самого этого положения и как *положения эстетики Плеханова*, и в плане его *истинности*, отметим сначала только то, что если не в его рождении, то по крайней мере в его формулировании у Плеханова свою роль сыграл таким образом и И. Тэн. В его же конспектах лекций по искусству говорится: «Итак, по словам Брюнетьера, мещанская трагедия создана появлением на исторической сцене Франции третьего сословия, буржуазии, которая отсутствовала в XVII

⁸¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 177.

веке как деятельный элемент в развитии общественного сознания. Это очень интересная и поучительная точка зрения»⁸² (курсив наш. — Р. К.). Это также является явным свидетельством подобного влияния.

Французские теоретики искусства, как и теоретики искусства других стран, содействовали и влияли на существо формирования и содержания эстетики Плеханова не только положительными своими моментами, но и отрицательными, поскольку и ими, а точнее: в борьбе с ними уточнялись, совершенствовались и шлифовались мысли и идеи самого Плеханова по ним. Сошлемся и в этом отношении только на некоторые такие примеры:

«Итак, слезливая комедия была портретом французской буржуазии XVIII века, — пишет Плеханов, ссылаясь на брюнетьеровское его объяснение. — Недаром же она называется *буржуазной драмой*. Но у Брюнетьера *этот верный взгляд имел слишком общий, а следовательно, отвлеченный характер*. Постараемся *развить его несколько подробнее*»⁸³ (курсив наш. — Р. К.).

К тэновскому объяснению французской трагедии, которое Плеханов приводит в том же труде, он замечает: «Это совершенно справедливо. Но исторический процесс возникновения, а особенно падения французской классической трагедии был несколько сложнее, чем изображает его знаменитый теоретик искусства»⁸⁴ (курсив наш. — Р. К.).

Известно, например, резко отрицательное отношение Теофиля Готье к *содержанию* произведений искусства, который считал, допустим, что красота произведений поэзии полностью обуславливается их музыкой и ритмом потому якобы, что они не только ничего не доказывают, но даже ничего не рассказывают. Плеханов же в критике этих убеждений Теофиля Готье формулирует такие мысли, которые затем в его эстетике становятся определенными нормами искусства и эстетики.

«... Но это огромная ошибка, — пишет Плеханов по поводу отмеченных соображений Готье. — Совершенно наоборот: поэтические и вообще художественные произведения всегда что-нибудь выражают», хотя они и выражают его «на свой особый лад». «... Скажу больше, — развивает Плеханов свои мысли. — Не может быть художественного произведения, лишенного идейного содержания. Даже те произведения, авторы которых дорожат только формой и не заботятся о содержании, все-таки так или иначе выражают известную идею». И далее: «... Исключительная забота о форме обусловила (и значит обуславливается всегда. — Р. К.) общественно-политическим индифферентизмом. Произведения, авторы которых дорожат только формой, всегда выражают известное, — как объяснено мною рань-

ше, — *безнадежно отрицательное отношение их авторов к окружающей их общественной среде*»⁸⁵.

Использование Плехановым и других французских теоретиков искусства смотрите и в его «Письмах без адреса», и в его «Искусстве и общественной жизни», и в его «Очерках по истории материализма», и в его «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и т. д. Так что Плеханов не оставил без внимания почти ни одного сколько-нибудь значительного представителя французского искусства, будь он теоретиком или практиком этого искусства. Но они в эстетику самого Плеханова вошли *не столько* в плане порождения ими у него *каких-либо новых идей, в плане заимствования* таковых у них, *сколько в плане доказательства и демонстрации* правильности собственных идей. А это и значило, что они вошли в эстетику Плеханова не столько прямо, сколько критически.

Особо характерно в этом смысле отношение Плеханова к Ипполиту Тэну. У Плеханова так и чувствуется некоторое особо избирательное отношение к этому теоретику искусства; он не скупится в его адрес в выражениях: «замечательный теоретик искусства», «полный и блестящий выразитель взгляда, согласно которому литература и искусство представляют собой продукт общественного строя, и т. д., и в чем ряд исследователей Плеханова не без основания усматривает некоторое преувеличение его заслуг. Однако следует иметь в виду, что эти слова Плеханова все же в основном и главном направлены не в адрес общеэстетической концепции, эстетической теории Тэна, а в адрес отдельных его наблюдений и фактического его материала, касаясь общей эстетической его теории в той мере, в какой и она рассмотрением произведений искусства в отмеченных выше трех системах лучше других теорий того времени способствовала материалистическому объяснению явлений искусства.

Что дело обстоит именно так, видно из следующего.

«Тэн, — пишет Плеханов, — твердо держался того убеждения, что «всякое изменение в положении людей ведет к изменению в их психике». Но литература всякого данного общества и его искусство объясняются именно его психикой, потому что «произведения человеческого духа, как и произведения живой природы, объясняются только их средой». «Стало быть, для того, чтобы понять историю искусства и литературы той или другой страны, надо изучить историю тех изменений, которые произошли в положении ее жителей. Это — несомненная истина. И достаточно прочитать «Философию искусства», «Историю английской литературы», «Путешествие в Италию», *чтобы найти множество самых ярких талантливых ее иллюстраций* (курсив наш. — Р. К.). Но Тэн, подобно госпоже Сталь и другим своим предшественникам, все-таки держался идеалистического взгляда на историю, и это помешало ему извлечь *из ярко и талант-*

⁸² Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. III, с. 145.

⁸³ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 82—83.

⁸⁴ Там же, стр. 78.

⁸⁵ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 150.

ливо иллюстрированной им несомненной истины всю ту пользу, которую может извлечь из нее историк литературы и искусства»⁸⁶.

Следовательно, к этому времени Плеханов полностью создал, что создание подлинно научной эстетической теории абсолютно неизбежно связано с материалистическим пониманием общественной жизни и потому кто не дошел до последнего, тот не может создать и научно безупречную эстетическую теорию. Если же, несмотря на это, у мыслителя в эстетической теории (а это вполне возможно) нотки, моменты, элементы и тенденции материалистические, то они неизбежно приходят в противоречие с общим его мировоззрением, в результате чего и сама содержащаяся в его эстетической теории истина выступает уже не как полная истина, а как часть ее. И Плеханов так именно и расценивал эстетическую теорию Тэна, предельно ясно определив как положительные, так и отрицательные ее элементы и моменты. А что это действительно так, в этом дадим опять слово самому Плеханову, на сей раз уже со страниц известных его «Очерков по истории материализма».

«Тэн в качестве основного принципа своей научной эстетики выставил следующее общее правило: «Крупные изменения, происходящие в отношениях между людьми, постепенно производят соответствующие изменения в человеческих мыслях». Кажалось бы, этим совершенно разрешен вопрос и ясно указан путь для научной истории литературы и изящных искусств. И, однако, странным образом мы видим, что наши современные историки литературы не яснее представляют себе духовное развитие человечества, чем его представляли сто лет назад. Чем же объясняется это удивительное философское бесплодие людей, у которых нет недостатка ни в усердии, ни в особенностях в учености?»

За причиной этого не далеко ходить. Но для понимания ее надо прежде всего выяснить, в чем заключаются преимущества и недостатки современной научной эстетики».

Затем, приводя формулу объяснения художественных произведений Тэном (см. его избр. фил. пр., т. II, с. 164—165), Плеханов добавляет:

«На самом деле эта «формула» не охватывает много очень важных вещей. Можно было бы сделать кое-какие замечания по поводу сопутствующих ее рассуждений... Но, как бы то ни было, очевидно, что «формула» Тэна значительно подвигает нас вперед в понимании истории искусства и говорит нам бесконечно больше, чем расплывчатое определение: «литература есть выражение общества». Пользуясь этой формулой, Тэн много сделал для истории изящных искусств и литературы. Но, читая его лучшие книги... задаешь себе вопрос: удовлетворяет ли это? Конечно, нет! Несмотря на весь его талант, несмотря

на все бесспорные преимущества его метода, автор дает нам только наброски, которые, взятые даже как таковые, оставляют многого желать. «История английской литературы» представляет собой скорее ряд блестящих характеристик, чем историю. То, что Тэн рассказывает нам о древней Греции, об Италии эпохи Возрождения, о Нидерландах, знакомит нас с главными чертами искусства каждой из этих стран, но *вовсе не объясняет нам их исторического происхождения* или же объясняет его лишь в очень незначительной степени. И следует заметить, что в данном случае виноват не автор, а его точка зрения, его понимание истории»⁸⁷.

Отсюда и отношение эстетики Плеханова и к французским источникам, которое так же, как и его отношение к немецким и русским источникам, определяется тем же общим принципом их приближения к материалистическому взгляду на явления искусства таким образом:

«Что же из этого следует (имеются в виду вышеотмеченные его замечания. — Р. К.). А вот что: избавиться от указанного противоречия, мешавшего плодотворному развитию остроумных и глубоких взглядов французских критиков искусства, мог бы только тот человек, который сказал бы себе: искусство всякого данного народа определяется его психикой, его психика создается его положением, а его положение обуславливается в последнем счете состоянием его производительных сил и его отношениями производства. Но человек, который сказал бы это, тем самым высказал бы материалистический взгляд...»⁸⁸

— Здесь почти те же мысли, что и в первом и втором параграфах этой главы, и потому ко всей главе мы можем сделать такое общее заключение.

Прошлые историко-философские и эстетико-критические теории предельно широко привлекали внимание Плеханова сознательно или бессознательно содержащимися в них нотками, мотивами, элементами и тенденциями материалистического объяснения явлений искусства. И поскольку они в разных отношениях, но в целом в более или менее равной степени содержались в большей мере в русских, немецких и французских источниках, то они и привлекли внимание Плеханова. Вошел же каждый из них в эстетику Плеханова в качественно преобразованном виде, который они приобрели в результате их развития Плехановым именно в том самом направлении, чего им не доставало, по справедливому его замечанию.

⁸⁶ Г. В. Плеханов. Избр. фил. пр., т. II, стр. 164, 166.

⁸⁸ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. I, стр. 37.